

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Важной частью в восприятии искусства являются ассоциации. Заглавие романа «Король под горой» в первое мгновение отсылает меня в книжную вселенную Дж. Р. Р. Толкина, а затем, по наитию, я вспоминаю пласты древнее: «Артуриана», цикл о святом Граале, романы о Тристане и Изольде и, уходя все глубже, германский и галльский фольклор.

Западноевропейское Средневековье привлекает внимание писателей уже много веков, поэтому идея деконструкции формы рыцарского романа накладывает на писателя большую ответственность и обязательство филигранно играть всеми знакомыми сюжетами. Рассказать известный мотив по-новому, сместить акценты на актуальные повестки, сохранить уважительное отношение к традиции и найти собственный голос в хоре предшественников сложнее, чем кажется.

Каждое произведение из Цикла о Спящем короле структурно соответствует избранной форме: «Ежевика в долине» воссоздает куртуазный роман, а «Король

под горой» – рыцарский в декорациях фэнтезийного мира. Повесть и роман, как и все книги Цикла, связаны между собой временными рамками: правлением одного государя и войной, терзающей этот уникальный мир, в котором неразделимо переплелись рыцари-пальеры и агнологи, носители верности традиции против идеологов прогрессивной гуманитарной мысли. Обе стороны воплощают две ветви науки и вечную борьбу прямо противоположных идей, сплетая, казалось бы, несочетаемые концепты.

В Цикле очевидны аллюзии на период начала XX века: Великая война, эпоха жестких и внезапных перемен, которые неузнаваемо меняют мир перед глазами читателя. Мы наблюдаем за его преображением глазами двух подростков, взрослеющих в этих условиях. Они становятся свидетелями и участниками столкновений различных идеологий, на своем примере проживая, как вера людей перекраивает саму реальность, в результате открывая путь средневековым легендам и историческим событиям в мир, который для этого не предназначен. Законы истории и пророчества подчиняют «идее» поступки людей, стирая их индивидуальную волю и приводя к трансформации мироустройства.

Удивительно, но «избранные» сохраняют индивидуальность, служа проводниками изменений. Их исторические и литературные источники не затмевают яркой личности юных персонажей. Например, Спящий король, популярный у разных народов мифологиче-

ский троп, пальеры, как рыцари Круглого стола, самобытно существуют в обстоятельствах Новейшего времени. Герои наследуют образы, но не имитируют их, отражая тенденции современной фэнтези-литературы.

Особенный трепет вызывают женские персонажи: Ронсенваль, чье имя в переводе с французского означает «ежевика в долине» и отсылает нас к истории о Роланде. Ронсенваль — одновременно и холодная Прекрасная Дама из скрытого от человеческих глаз замка, и чувственная Изольда. Гислен напоминает леди Альду, невесту рыцаря Роланда, своим тихим смирением и покорностью окружающим, которая в мире достигнутой женской эмансипации вызывает только упреки и неприятие в обществе.

Герои не повторяют в точности судьбу исторических или легендарных прообразов, проживая свою литературную жизнь на страницах романа «Король под горой». Однако всегда присутствует легкий мотив, скрытая ностальгия по бродячим сюжетам мировой литературы. Подобная тонкая работа позволяет одновременно взглянуть на знакомых персонажей в современных реалиях и привести нетипичных персонажей в новую литературу.

Цикл о Спящем короле наполнен аллюзиями к нашим любимым сюжетам. Это чтение о благородных героях, сошедших со страниц мирового фольклора, в декорациях «потерянного поколения». «Король под горой» отражает легкость и насыщенность события-

МАРИЯ ГУРОВА

ми классического фэнтези, деконструируя «вечные сюжеты» в традициях литературы постмодерна. Подобное стилевое решение позволяет равно ответить и на запросы читателей классического фэнтези и современной литературы, и на главные вопросы — «Кем мы стали?» и «К чему пришли?» — на данном этапе цивилизации.

Вероника Черняховская,
писательница

КНИГА I

Ежевика
в долине

ПРОЛОГ

Погасла керосиновая лампа, уступив комнату лунному свету. А он протянулся тусклыми прожекторами из застекленных бойниц. Один луч высвечивал сопящие носы, другой — подергивающиеся пальцы ног, высунутые из-под одеяла, третий — ссутулившуюся на койке мальчишескую фигуру, угловатую, сгорбившуюся под шерстью наброшенного на голову пледа.

Спальни послушников были похожи на казармы. Ночью пустота пространства не так давила, как днем озаренная солнечными лучами аскеза. Тогда-то все было явно наперечет: семь кроватей, семь табуретов возле них, один шкаф на всех. В нем ровно восемь полок; на семи из них лежали аккуратно сложенные короткие брюки, рубашка, гетры, свитер, галстук и портупея, а восьмая всегда пустовала. Ее ни за что нельзя было занимать: у членов Ордена и школяров должно быть всего поровну, даже если это было вот так нелогично. Семь серых кителей висели на штанге в платяном шкафу. Личных вещей у каждого послушника мало, даже мыло и полотенца общие.

Посреди спальни стоял чугунный очаг — единственный источник тепла, не считая семерых ребят. Изю ртов шел пар, когда кто-то из них шумно выдыхал во сне. Они привыкли терпеть, выучились объяснять необходимость добровольных лишений, некоторые даже могли воспевать свои тяготы и жертвы. Каждый в этой комнате был младше тринадцати лет, потому никто из них еще не научился заправски храпеть, как это делали старшие ребята. Избалованные беззвучными ночами, мальчишки спали чутко и ворочались, заслышав шорох. Стылый неуютный покой царил в любой из таких комнат. А еще кричащая нехватка того самого важного, в чем так нуждался каждый юноша: тишины внутри задернутого полога, любимых бездельшек и непринужденного беспорядка.

Ничего подобного здесь не находилось. Каждому послушнику Ордена разрешалось хранить одну книгу и одну личную вещь. Вот и Тристан имел такую — Ситцевого рыцаря, тряпичную куклу. Игрушку еще в раннем детстве смастерил для него сэр Мерсигер, почитаемый и обожаемый школярами наставник. До того он проникался судьбой каждого ученика, что не смог обделить заботой осиротевшего Тристана. Учитель тогда взял зеленую ткань — кривой обрез ситца, что хранился у маленького Тристана, и сшил ему куклу, а вместо копья вложил в игрушечную руку обструганную и разукрашенную веточку терна. Сэр Мерсигер рассказал, что кричащего годовалого Тристана привезли завернутым в этот самый ситец и что кусок ткани походил на наспех разрезанную юбку или платье. И Тристан всю жизнь верил, что эта юбка

или платье когда-то принадлежали его матери. Оттого он так крепко любил своего Ситцевого рыцаря. Тристан говорил:

— Вы, сэра, служите прекраснейшей из дам — моей матушке, раз носите на себе часть ее платья!

А Ситцевый рыцарь отвечал:

— Конечно, Тристан! Большая честь служить такой леди! Вот сами и поймете, как станете рыцарем.

— Вам следует быть идеальным, чтобы не посрамить ее имени, — поучал его Тристан.

— Для того и стараюсь! Я бы не посмел запятнать ее честь своими недостатками.

— А разве они у вас есть, сэра? — удивился Тристан.

— Всего один: я неживой, — ответил Ситцевый рыцарь, сотрясаемый рукой мальчика.

— Так не пойдет. Ее бы это очень оскорбило и, я уверен, расстроило.

Ситцевый рыцарь браво взмахнул копьем и закивал, подгалкиваемый указательным пальцем Тристана.

— Вот и я думаю, что не пойдет. Нам должно это исправить!

В хрупкий мир под пледом ворвался голос извне.

— Тристан, что ты там делаешь? Ложись спать!

Нехотя и выждав, Тристан ответил:

— Не мешай, Гаро, я на военном совете.

Послышался вздох, полный возмущения. Военные советы длятся долго, как говорят.

— Какой еще совет за полночь? Спи давай! — шикнул Гаро.

Но в шатре из старого пледа решались судьбы. Спать было нельзя.

— Как же, сэр, мы можем это исправить? — резонно спросил Тристан. Он совсем не представлял, как можно кого-нибудь оживить.

— Проще, чем кажется. Но для начала скажите, вы меня любите?

— Люблю как самого верного из товарищей! — заявил Тристан. И ему показалось, что Ситцевый рыцарь выгнул набитую грудь колесом.

— Тогда нет никаких препятствий для нашей церемонии, — уверил его Ситцевый рыцарь. — Просто пожелайте, чтобы я был живым, и я буду.

Тристан бы и рад был остановиться, но игра его увлекла. Ну и поругали бы его наставники, узнай они, что он играет в магические ритуалы.

— Но я и так желаю. Не сомневайтесь, сэр, я бы хотел... — он не знал, как произнести это желание. Чтобы Ситцевый рыцарь ожил? Чтобы говорил сам? Чтобы превратился в человека?

— Так подарите мне душу, господин, — объяснил он.

— Как?

— Дайте мне имя, если вам его не жалко.

Тристан задумался. На ум ничего не шло.

— А что же вам Ситцевый рыцарь не по душе?

— Хорошее прозвище, зовите меня так, коли угодно, — сказал он. — Но вы всегда обращаетесь ко мне «сэр». Как рыцарю жить без имени?

Тристан улыбнулся, он вдруг все понял.

— Что ж, так имени мне для вас совсем не жаль. Вы будете сэръ Трувер, Ситцевый рыцарь! — воскликнул он, отчего соседи по комнате заскрипели кроватями.

— Вы... Вы даете мне свое имя? — растерянно спросил Ситцевый рыцарь, и Тристан вдруг услышал совершенно чужой, мужской голос, совсем не похожий на свой, ребяческий.

— Вы живы! — прошептал ошарашенный Тристан. Он вдруг заметил, что тканевая фигура двигалась сама, совсем без усилий его пальцев. Он бережно положил куклу на подушку. И Ситцевый рыцарь закивал.

— Все так, господин мой, вашим усердием я жив. И благодарен вам за имя ваше и вашей матушки, чьи одежды я на себе ношу. Я бы не смел мечтать о большем, чем вы одарили! — Тристану показалось, что Ситцевый рыцарь всхлипнул. Или шмыгнул носом, если бы его нос не был таким же набитым соломой и опилками, как он сам.

— Чудо какое, — определил происходящее Тристан.

— Я в благодарность теперь буду служить вам вечно. Примите мою присягу, господин!

— Чем же ты можешь мне послужить? — спросил Тристан. Неожиданно игра для него закончилась. Но он был даже удивлен, как спокойно воспринял случившееся под пледом. Другой бы завопил, отбросил куклу, а может, и с кровати спрыгнул.

— Что ни спросите, на все получите ответ. Вы не смотрите, что я так невелик, что набит соломой и вооружен только терном. Я ведаю больше любого из ваших наставников. И теперь мои знания — ваши.

На беду, проснулся Оркелуз, самый вредный и коварный из школяров, каких встречал Тристан. Как подобает добру и злу, они яростно друг другу противостояли. Оркелуз не то хрюкнул, не то хихикнул, а потом скрипуче позвал:

– Эй, Гаро.

Гаро решительно его игнорировал, но Оркелуз не унимался:

– Эй, Гаро.

– Да ты-то чего не спишь? – возмутился бедняга, которому со всех сторон мешали уснуть.

– Гаро, а ты знал ли, что Тристан играетя в куклы? – Оркелуз снова хохотнул.

– Молчи, дурак! – одернул его Тристан. В комнате было так пусто, что нечем было и швырнуть в наглеца. Разве что ботинком, но и тот мог улететь в окно.

– Я сейчас вас обоих к щелбанам приставлю! – пригрозил Гаро.

Оркелуз еще гоготал, но измученный Гаро, расположенный с ним по соседству, все же не выдержал. Оркелуз получил заслуженный щелчок по лбу, огрызнулся и замолк. И если бы послушники не дулись друг на друга, драматично ворочаясь в койках, они бы услышали победное «ха!» из-под одеяла Тристана. Но произнес его вовсе не он.

ГЛАВА I. ЯГОДЫ И КОРЕНЬЯ

Орден пальеров был древнейшим на континенте. Его рыцари всегда служили самому сильному из монархов. А когда технический прогресс принес в мир череду революций, изменивших уклады во многих государствах, осталось одно королевство — Эскалот. Его нынешний король был человеком почитаемым и мудрым, но больным. К старости разные хвори, среди прочих подагра, приковали его к столице. Больше всего монарха мучила боль потери: он пережил трех своих наследников и влачил остаток века, изводямый горем и неопределенностью. Норманн II Удильщик был последним в своем роде. Он получил прозвище за любовь к рыбалке, часами мог сидеть у пруда с удочкой. В народе шутили, сколько, должно быть, законов и решений было принято на том берегу. Пальеры сохранили присягу последнему из королей. Однако их тоже терзала неизвестность. Новый мир несся на них бушующей техногенной и бунтующей человеческой стихией. И никто не знал, как люди, которые лучше умеют пользоваться меч-

ми, нежели винтовками, выживут здесь и останутся себе верны. В Ордене состояли воины и ученые, вернее было бы сказать, что каждый рыцарь-пальер являлся и воином, и ученым. Большинство из них собралось в стенах их альма-матер — в замке Пальер-де-Клев. Здесь расположилась и их резиденция, и библиотека (крупнейшая на континенте), и пансионат для ветеранов и инвалидов, неспособных больше нести военную службу, и школа, где обучали юных послушников. В школяры принимали только мальчиков из благородных семей, но далеко не каждые родители желали детям такой участи. Пальеры несли присягу и аскезу, намеренно отказываясь и от брака, и от карьерных амбиций вне Ордена. Они были не так успешны, как офицеры регулярных армий, не так алчны, как наемники, не так коррумпированы, как агнологи. Последние тоже были учеными, но скорее мировой корпорацией, занимающейся изучением явлений на стыке официальной и квазинауки — агнологии, «науки неизвестного». Пальеры презрительно о них отзывались и нарекли «новыми колдунами». Вопросы магии и этой науки в Пальер-де-Клев были табуированы. Незачем рыцарям терзать душу суевериями. Мир слишком богат искушениями, чтобы желать еще и чего-то поистине сомнительного.

Тристан знал и про запреты, и про желание запретного. Когда послушнику исполняется шестнадцать, наставники начинают говорить с ним более душевно и одновременно строго. Так, по словам учителей, более тяжкое бремя то, что гнетет ум и совесть, а не тело. Тристан кивал и понимал, как ему не повезло. Покуда ровесники нет-нет

да сбегали в деревню к девушкам, он донимал расспросами Ситцевого рыцаря и засыпал над кипой книг. Почему природа такова? Почему он таков? Какие обыкновенные вопросы для юноши шестнадцати лет и как по-разному можно искать на них ответы. Может, и правда было бы лучше отправиться за ними на ярмарку, а не в библиотеку. Конечно, за самовольные отлучки и наказание было соответствующим, в то время как за ученое усердие полагалась похвала. Но Тристана не покидало чувство, будто он готовится к какому-то ужасному преступлению и что за него дают даже не розги, а высшую меру. Позорная казнь недостойного рыцаря — расстрел. Словно демонстрация бессилия слабого человека, предавшего традицию, перед оружием нового мира, которым в былые времена пользовались только трусы. Очень патетичная философия, так думал Тристан и все равно страшился. Ситцевый рыцарь был свидетелем, уликой и соучастником в деле, о котором Тристан не мог никому рассказать. Он четыре года носил секрет в себе, а своего болтливого товарища — в планшете из овчины, который для куклы был удобнее вещмешка. Эта трогательная привязанность к игрушке, сшитой из материнской юбки, не добавляла ему мужества в глазах прочих послушников. Но Тристану было почти все равно. Почти.

Тристан стоял во дворе замка. Над его головой реял темно-зеленый штандарт с серой эмблемой Ордена: симметричным деревом, прорастающим вверх и вниз, роняющим плоды к корням. Девиз под ними гласил «На смену друг другу». Первые солнечные лучи едва окрасили шпили на башнях в медовый цвет. Ясное небо слепило опух-

шие от сна глаза. Утренние зарядки нравились многим ребятам. Тристану же было тяжело пробуждаться в то время, когда все вокруг единогласно, словно по сигналу, начинало бурную жизнь. Солнечный свет раздражал. Тело было непослушным. Птицы пели громко, не говоря уже о тренере, выкрикивающем команды и свистящем то и дело. Звук свистка был утренним испытанием. Тристан постоянно наклонялся и морщился.

— Трувер, соберись и беги быстрее! — торопил его тренер. — Ты всех задерживаешь!

Тристан не был крепким и спортивным юношей, как большинство послушников в Пальер-де-Клев. Кормили их хорошо, не вкусно, но плотно. Тристан не имел недостатка в аппетите. Но мощи ему это не прибавляло. Он был быстрым, жилистым, выносливым и упорным, а еще очень ловким. Но все эти качества просыпались в нем под вечер. Жаль, что зарядку проводят не ночью. Вот сейчас он приседал тридцать четвертый раз и хотел упасть ничком.

— Закончили! — прогремел тренер. — Сейчас марш в душ, всем вымыть волосы, и поторопитесь. Цирюльник уже приехал. Налево! Бегом!

Когда Тристан скрылся с глаз тренера, перешел на шаг. Торопиться не имело смысла, он все равно придет к душевным последним. А еще он оттягивал момент, когда придется расстаться со своими волосами. Он любил темные локоны, хотя они то и дело свисали со лба и пружинили перед глазами. Тристан был уверен, что у его родителей, хотя бы у одного из них, были такие кудри. Он смотрел на себя в зеркало и представлял, какие черты до-

стались от матери, а какие связывали его с отцом. О Труверах ему не рассказывали ничего, кроме того, что они происходили из мелкого дворянства и что погибли в пожаре. Тристана же спасло то, что у его матери не было молока и в тот роковой час его как раз забрала кормилица вместе с платьем, которое пообещала заштопать. Мальчику не досталось даже семейных фотографий. Поэтому Тристан не разлучался с Ситцевым рыцарем, берег свои волосы и вечерами смотрел в зеркало вовсе не из самолюбования. Черты его лица были единственным наследством, неброским фамильным серебром. Какой успокаивающей, баюкающей его тоску была эта мысль.

И все же Тристан в очередной раз лишился своих волос. Теперь все послушники были стрижены под горшок и узнавать друг друга издали стало труднее. Сегодня на уроке сэра Мерсигер рассказывал о целебных травах и кореньях, которые могут спасти жизнь, если рыцарь оказался вдали от цивилизации. Так Тристан узнал, что стебли громового лука помогают очистить зубы и снять любое воспаление во рту, а пыльцу семия можно нюхать, чтобы быстрее уснуть.

— Не хочешь подышать пыльцой, а, Тристан? — ткнул его под локоть Гаро.

— Меня в детстве ею натирали, не иначе, — мрачно ответил он. Гаро ведь знал, что Тристан переносит утро, как сезонную болезнь.

— Чудесными свойствами обладает корень струпки, — увлеченно повествовал сэра Мерсигер. — Он выглядит странно: с середины раздваивается, словно у него есть

ножки. Пучок, видный над землей такого, видите, иссиня... хвойного цвета. Растет в долине при Гормовых холмах, кстати, одно из четырех мест на земле, где можно эти корни найти. Но они очень редкие, потому очень ценные. Один этот корень может исцелить до полусотни известных болезней, я уж не говорю, что он снимает практически любой болевой или воспалительный синдром. Его чудотворные свойства заключаются и в том, что, очистив его от кожуры, вы можете заткнуть им глубокое ранение (а он достаточно длинный), и этим полностью остановите кровотечение в ране. Внешнее и внутреннее! Превосходное средство! Современная аптека держалась бы только на одном этом корне, если бы не его редкость... Да. Сейчас мы подходим к самому главному.

Сэр Мерсигер расправил карту на доске и ткнул указкой.

— Вот места, где он может произрастать. Одно из них, видите, совсем близко. Буквально в полудне пути от замка! Говорят, его завезли сюда и высадили в холмах первые рыцари-пальеры. И я даю вам такое испытание: мы отправимся на его поиски.

Послушники поддержали идею одобрительными возгласами. Все любили пешие прогулки и походы в лес. Сэр Мерсигер улыбался, глядя на их радость. Но жестом попросил тишины.

— Приз за находку не менее ценен, чем струпка: нашедший корень первым получит наречение!

Школяры зашумели громче прежнего, некоторые застучали кулаками по партам. Большая честь быть первым, кого произведут в рыцари, и большая возможность. Ле-

генда гласила, что всякого такого рыцаря охотнее принимают на службу, что это высокое признание его способностей, что все послушники надеются заслужить право первого прикосновения Аграля — церемониального меча — к своим плечам. И в Тристане разыграло тщеславие, но он знал, это только надежда. На деле струпку можно искать неделями и не найти ничего. Когда книги заменяют и подушку, и вечерних собеседников, теряешь много чаяний, основанных на вере.

— Отправляемся после обеда, едем верхом. Разбиваем лагерь и, по моим планам, останемся в холмах на ночь, — каждая фраза раззадоривала ребят. — Вечером я дам старт, и вы отправитесь на поиски парами. От напарника не удаляться, обозначенную местность не покидать.

— Сэр, а почему вечером? Не легче ли искать струпку при свете дня? — спросил Оркелуз.

— Нет, увы, днем эти вершки корня мимикрируют и умудряются прикидываться заурядной травой или кустом, — с сожалением ответил сэр Мерсигер. — Что ж, господа, если нет еще вопросов, жду вас после обеда у главного входа.

Позже в коридоре Гаро спросил:

— Думаешь, мы его найдем?

Тристан помотал головой.

— Думаю, что не найдем. Мерсигер просто хочет, чтобы эта вылазка имела какой-то смысл и мы были заняты поисками, а не тыкали на спор ядовитых жаб палками на болотах.

После обеда у подъемного моста собрались сэр Мерсигер и послушники, все верхом. В классе Тристана учи-

лись двенадцать мальчиков от тринадцати до семнадцати лет. Гаро был самым старшим в их компании, высоким и крепким. Оркелуз был ровесником Тристана, все прочие одноклассники были младше. Несмотря на разницу в возрасте, акколаду, церемонию посвящения в рыцари, класс проходил вместе. Считалось дурным тоном, если школяра оставляли послушником в чужом классе. Поэтому младшим ребятам приходилось сложнее. Для молодых людей, не отмеченных военными заслугами и фронтовым опытом, было звание рыцаря-сквайра.

— Я, кстати, вот этого не понимаю, — сказал Тибо, самый юный в их классе. — Это ведь просто звание внутри Ордена. Так-то мы все рыцари, верно?

Гаро с Тристаном усмехнулись.

— Верно, — ответил Гаро. — Только никому на службе не нужен рыцарь, который войну в глаза не видел.

— Есть ли пальеры, которые стали учеными? Ну, в смысле, остались учителями в школе после присяги?

— Ты что, боишься ехать на фронт? — вмешался Оркелуз.

— Вовсе и не боюсь! — бойко заявил Тибо. — Я просто интересуюсь. Мне интересно!

— Не задирай его, — одернул Гаро Оркелуза. — Не волнуйся, Тибо, тебя все равно никто не отправит на военную службу, пока не станешь совершеннолетним.

До места доехали быстро, разбили лагерь, а когда запалили костер, в лесу уже стемнело. Сэр Мерсигер велел всем зажечь фонари, разделил класс на пары по принципу «старший с младшим» и велел расходиться. Это был не

первый поход и даже не такой изнурительный, как в стужу. Едва подоспевшая к долине весна растопила снег, превратив в болота даже лесные тропы. Послушников приучали к тяжелым испытаниям зимними переходами через холмы и двухнедельным отшельничеством в лесной хижине. Для одних парней это была пытка, для других — блаженные дни тишины и безмятежности. После испытаний им всегда задавали писать эссе на тему их приключений и переживаний. Наставники говорили, что Тристан не самый бравый из послушников, но самый смиренный. А еще они говорили, что он мог бы стать поэтом — так необыкновенно цветист был его язык и так искренне мысли ложились на бумагу, будто плелись лозой. Тристан даже осознал, как у него это получается: он вовсе ничего не записывал в походе, только осмыслял события, находил названия своим чувствам и давал всему этому оценку. Наверно, только так и поступают поэты, а не ученые.

В напарники Тристану достался Тибо. Он был не то чтобы пугливым, скорее, очень мнительным. И его болтовня сбивала Тристана с мыслей. Он щебетал своим еще не сломавшимся голосом всю дорогу.

— Давай договоримся: ты молчишь, а я рассказываю Мерсигеру, что ты все делал верно, вел себя храбро и вообще спас меня, вытащив из норы? — предложил Тристан.

— Тут есть такие норы, в которые можно упасть? — Тибо округлил глаза, Тристан же свои закатил.

Тибо все же принес ему охапку хлопот. Спустя четыре часа ходьбы по вязкой скользкой земле он набрал и воды,

— Именно, господин, именно к Ворклому озеру! Милее места не придумаешь для этих кореньев, — закивал Ситцевый рыцарь.

— Как же его тогда среди холмов находили?

— Должно быть, старая плантация фей, — предположил он. — Но если ее всю перекопали, то новых струпок в холмах не появилось, будьте спокойны.

Тристан вспомнил карту и повернулся в сторону Ворклого озера. Он никогда не был в глубокой чаще леса. И пока он шел, кроны деревьев, убранные прошлогодней померзшей листвой, становились все гуще, а дорога — все темнее. Тристан напряг слух. Было странно, что безлюдный лес с его непугаными жителями такой тихий. Тристан слышал только свои шаги. Шлеп, шлеп. Время от времени он переговаривался с Ситцевым рыцарем. Тому повезло: вощенная кожа планшета укрывала его от сырости внешнего мира. Тристану же досталось худшее. Было душно и влажно в лесу, от быстрого шага выступала испарина, и влага его тела встречалась с капелью и моросью, пропитавшей одежду. Но Тристан знал, что ничем это не исправит, и просто шел. Шлеп, шлеп, шлеп. И Ситцевый рыцарь запел. Он редко позволял себе подобное — обычно рядом с Тристаном могли оказаться незваные слушатели. Но во время походов и отшельничества Тристан узнал, что Ситцевый рыцарь имеет богатый репертуар: баллады, гимны, серенады и даже колыбельная.

— Кабы леди сжалилась и меня пригласила в дом, когда муж ее рогатый спит глубоким сном, — мурлыкал на кабацкий мотив Ситцевый рыцарь.

— Дурные песни поете, сэр, — осуждающе сказал Тристан.

— А это хорошо, господин, что вы в них дурость разглядели, — весело отозвались из планшета.

В воздухе запахло застоявшейся водой и холодом сильнее прежнего. Озеро было близко. Тристан начал спускаться вниз по некрутому склону. Гладь воды мягко отсвечивала, и Тристан не знал, откуда она берет свет, если не из своей глубины. А потом взглянул вверх. Сквозь ветви виднелась мозаика предрассветного неба.

— Светает, — прошептал он.

— Как и должно, — подтвердил Ситцевый рыцарь.

Тристан присел у дерева. Вдоль ветвистых корней пролегала трава — куцая, кучковатая, цвета горной хвои. Он достал топорик и взрыхлил землю.

— Вы были правы. Тут повсюду клубни.

— Чему совсем не стоит удивляться: ни струпке у озера, ни моей правоте, — недовольно заметил Ситцевый рыцарь. — А вам не следует быть жадным до чудес и наград. Выкопайте каждый седьмой, и этого будет достаточно.

Тристан никогда с ним не спорил. Был тому причиной его зрелый сиплый голос или отеческие интонации, но Тристан соглашался с любым советом соломенной головы. Провозившись час, он выкопал пять корнейев струпки, аккуратно отряхнул и, обернув в бинт, сложил трофеи в вещмешок. Он уже почувствовал, как одновременно заныли и запекли его колени. Сон подступал к нему, собирая на веках соль глаз, как утреннюю росу. Если он так просидит хоть минуту, точно уснет прямо на могучих ивовых корнях.

Тристан уже собирался встать, но взглянул на берег озера. И не поверил глазам: фигура в чернильных одеждах стояла у края воды. Поверх шерстяного платья была наброшена накидка, словно бы из медвежьего меха. Он трижды сморгнул проступившие от усталости и бессонной ночи слезы, ожидая, что с ними по щеке скатится и видение. Но она стояла там. Тристан притих. Статная девичья фигура склонилась над озером. То, что Тристан поначалу принял за шаль, оказалось копной каштановых волос. Только передние локоны были собраны на затылке странной заколкой: не то из червленой меди, не то из высушенных трав. Пытливый взгляд Тристана добрался до истины: «Ежевика. Ягоды и листья ежевики». Прибрежная сыть скрывала ее ноги до колена, но Тристан был уверен, что девушка ходит босой. Она выпрямилась и откинула пряди волос за спину. Они конским хвостом пролетели вокруг ее талии и соскользнули вдоль юбки. Тристан задержал дыхание, так боялся выдать себя, но из-за этого только шумнее выдыхал и неравномерно втягивал носом холодный воздух. В груди все билось, стучало и металось, не отпущенное, не высказанное, перепуганное. Она что-то стирала в озере, а потом зачерпнула горсть и плеснула в лицо, растерев остатки воды по шее под высоким воротом платья, зачерпнула вторую — прополоскала рот. Тристан видел ее крупные красивые черты лица с высоким лбом, подчеркнутым черными бровями вразлет над большими глазами с такими же пушистыми ресницами. Кожа ее была белая, а губы — цвета разбавленного вина, и верхняя губа была более пухлой. Он смотрел

на ее рот, потому что она что-то читала или пела, но так тихо, что Тристан этого не слышал.

— Беспечная затея — спать на берегу в такую погоду! — голос из планшета прервал самый лучший момент в жизни Тристана так беспардонно, что тот дернулся и почти подскочил, но от неожиданности присел обратно на одно колено. Однако было поздно, девушка его заметила и резко взглянула на Тристана. Жизнь пронеслась перед глазами выпущенной пулей, такой же настоящей, какие, вероятно, летают на войне. Он так и смотрел на нее снизу вверх, они оба решали, что с этим делать. И она решилась первой: девушка резво сорвалась с места и побежала в лес. Тристан, сам не свой, оттолкнулся от мокрой земли и сделал несколько широких, неловких шагов. Заметив его неуклюжее преследование, она развернулась и крикнула «Стой!», вскинув перед ним руку.

— Нет, пожалуйста! Я ничего тебе не сделаю, — Тристан боязливо поднял обе руки, словно на него смотрела не белая ладонь, а дуло винтовки.

— Смотри на свои сапоги, — отрезала она. И Тристан опустил глаза. Ее голос был не по годам низким, но звонким. Он был рад услышать его. Прикажи она Тристану утопиться в Ворклом озере, он бы пошел и утопился. Но она велела смотреть на сапоги. Судя по безмолвию Гормова леса вокруг, девушка уже убежала. А Тристан не сводил глаз с обуви. Тишину спугнул Ситцевый рыцарь:

— Занимательная сцена, но солнце уже...

— Молчите, — впервые перебил его Тристан. — Я запоминаю.

ГЛАВА II. О ТОМ, ГДЕ ИСКАТЬ СОКРОВИЩА

Возвращаясь к Тибо, Тристан обогнул его с запада и подошел со стороны холмов. Но в этой путанице не было никакой нужды. Мальчишка, узнав о найденном сокровище, воодушевился не на шутку, однако так же быстро и поник.

— Ты же не поделишь со мной славу, Тристан. Расскажешь сэру Мерсигеру, что я остался в лесу, а ты пошел в холмы.

— Я не сдам тебя, но и незаслуженных лавров ты не получишь, — ответил Тристан. — Я скажу, что ты шел рядом и что мы устроили стоянку в холмах. А пока ты стряпал еду, я ходил за хворостом. Там струпку и нашел.

Тибо закивал. Такой расклад его устраивал. Все же сэр Мерсигер, выслушав Тристана, был так горд и рад за воспитанников, что отметил Тибо. Всю дорогу ребята чествовали Тристана. В замок они вернулись после полудня, поэтому к ужину новость успела разлететься по школе. В трапезной Тристана встречали как героя. Пять кореньев струпки — это истинный подвиг для последних рыца-

рей, которые служили и королю, и науке. Тристан был умен и больше молчал, слушая других, а только после заговорил сам. Так, узнав, где искали остальные ребята, он исключил эти места и выбрал такое, в котором раньше бывал сам и которое мог описать. Списав молчание на усталость после похода, Тристан ушел спать, и его, конечно, освободили от всякой службы перед отбоем. В спальне он лежал один в вечерней тиши, разбавленной пеньем птиц и редкими возгласами, доносящимися со двора Пальер-де-Клев. Но сон не шел. Тристан только сейчас понял, что его гложет невысказанная история. Если бы он рассказал, всем-всем рассказал про девушку на озере, возможно, кто-нибудь ему бы ответил, кто она. Может, ее видели в деревне. Может, она приносила молоко или масло в замок. Хотя она не была похожа на сельских женщин. Кем же она могла быть? Тристан рассуждал так: стоит искать самому, а не выдавать место. Явись туда целая делегация в поисках струпки, они точно ее спугнут, и Тристан больше никогда с ней не увидится. Этого никак нельзя было допустить.

— Понятно мне, о чем вы там думаете, — сказал Ситцевый рыцарь, которого он так и не достал из сумки.

— Я буду ее искать, — произнес Тристан. — Она же не явится к озеру на днях?

— Очевидно, не явится, — подтвердил Ситцевый рыцарь.

— Она не выглядит уставшей, растрепанной или крепкой, как девицы из деревни. И платье у нее такое... И это украшение в волосах... И сами волосы.

— Вот это вы, господин, простите, но из сумки я не разглядел.

Тристан пропустил колкость.

— Может быть и так, что она приехала с родней в эти места. Но где бы они тогда могли остановиться? Опять же или деревня, или пансионат, — рассуждал Тристан.

— В Пальер-де-Клев? С семьей? Вы что же, полагаете, она благородная дама? — заинтересовался Ситцевый рыцарь.

Тристан пожал плечами.

— Может быть, и дама. Только я ведь видел их на картинах.

— А, так эти прошлых лет.

— Ну, — неуверенно начал Тристан. — Вообще она на них похожа.

Он вспомнил все черты ее лица, все изгибы фигуры, все жесты и несколько сказанных ею слов. Он так напряг память, что нахмурился. А потом резко сел на кровати и достал письменные принадлежности. Стоит записать все подробности.

— Да, поговаривают, леди отличаются белизной кожи, синевой вен, изяществом пальцев и миндалевидностью ногтей, — перечислял Ситцевый рыцарь. — Присущи ли вашей даме эти качества?

— Да, да, — писал Тристан. — Белизна, и вены, и пальцы вроде. Но ногти я не разглядел.

— Печально, господин. Ногти бы все решили.

Тристан впервые улыбнулся, покраснел и легонько шлепнул планшет самодельным блокнотом.

— Не ерничайте, — потребовал он, хотя и сквозь улыбку.
 — Похоже, вы все решили, — прокрихтел Рыцарь. — И насколько же серьезны ваши намерения как послушника пальеров?

Улыбка слетела с лица Тристана, как маска уличного жонглера. Действительно, стоит ему найти девушку с ежевикой в волосах, что он будет делать? Что он ей скажет? Зачем все эти усилия?

— Я просто хочу отыскать ее и узнать имя, — тихо ответил Тристан.

— А! Так все это ради знаний. Тогда хвалю вас и одобряю!

Тристан дописал слово «сапоги», поставил точку и убрал блокнот. Завтра ему положен выходной, и он начнет поиски в деревне. С этой надеждой он уснул быстрее, чем успел укрыться.

Утром он собрался быстро, окрыленный скорой возможностью начать поиски. В коридоре его нашел сэр Мерсигер. Наставник вручил ему конверт, советовал отдохнуть сегодня и похлопал по плечу. Тристан не сразу сообразил, а потому окликнул его, когда тот отошел.

— Простите, сэр, но здесь то, что я думаю? Здесь деньги? — спросил Тристан, нагнав его. Он не решался раскрыть конверт при учителе.

— Да, ты заслужил купить себе в деревне то, что пожелаешь.

Тристан кивнул. Послушникам никогда в качестве поощрения не выдавали деньги, приучая к тому, что рыцарь не продает свою службу. Очевидно, инициатива принад-

лежала сэру Мерсигеру лично. Школяры могли скопить у себя несколько монет, когда их отправляли за покупками для аптеки и кухни. Сдачу наставники обратно не требовали и всегда давали немного больше предполагаемой стоимости. Уже по дороге в деревню Тристан заглянул в конверт: там было несколько ассигнаций. Пересчитав их, Тристан прикинул, что награды хватило бы на целый вечер в таверне с друзьями или на мед, булочки и яблоки впрок. О покупке вещей он и не помышлял, не имело смысла приобретать то, что нельзя хранить.

Деревня шумела и манила рыночной кутерьмой, как в любой из выходных дней. Ряды прилавков в это время, особенно с приходом весны, всегда превращались в небольшую импровизированную ярмарку. Тристан зашел в самую известную в округе таверну, единственную с постоянным двором, под вывеской «Лисий хвост». Хозяйка — худая рыжеволосая женщина — стояла у барной стойки. Ее помощник тащил заказы из кухни. Столики были забиты под завязку. Прикинув шансы на успех, Тристан решил обратиться к хозяйке. Все же она заведовала гостиницей.

— Простите, мадам, — Тристан подошел к бару и занялся. Он никогда не посещал таверны без старших. — Здравствуйте!

Женщина оглядела его. При виде школьной формы она скучающе отвернулась. Не без причины полагала, что послушники ничего не заказывают.

— Я бы хотел кое-что у вас спросить, — начал Тристан и засмутился еще больше, когда к пустой стойке приблизился подвыпивший мужичок и попросил повторить.

— Не отвлекай меня, парень. Сегодня много заказов, — бросила хозяйка и потянулась за бутылкой рома, чтобы плеснуть в стакан мужичка.

Тристан кивнул и полез за деньгами.

— Я понимаю, мадам, и не хочу занимать ваше время. Но не могли бы вы мне налить... — он принялся лихорадочно читать меню, чтобы озвучить заказ, который ему позволительно выпить, и при этом не выглядеть нелепо. — Сидр с грушей... В смысле грушевый сидр.

Он впопыхах протянул ей ассигнацию с наименьшим номиналом. И все же она заметно удивилась, что школяр расплачивается не мелочью. Хозяйка отсыпала ему сдачу монетами и поставила кружку сидра на стойку. Тристан сел. Предположив, что молчание может затянуться и привести к неуместному любопытству его соседа, который уже почти осушил рюмку, Тристан обратился к женщине:

— Простите, мадам...

— Если перестанешь просить прощения, возможно, мы перейдем к сути твоего дела, — сказала она, деловито взясь с посудой.

— Да, я хотел спросить. У вас на днях не останавливалась семья с девушкой с такими длинными темными волосами, — он провел ребром ладони по своему колену. А потом заметил улыбку хозяйки таверны и услышал смешки мужичка. — Нет, не подумайте, она моя родственница.

— Да? И как ее зовут? — спросила хозяйка. Тристан почувствовал жар на щеках. — Раз она родственница, ты же знаешь ее имя.

— Она дальняя... Кузина. Очень далекая кузина, — Тристан пожалел, что не придумал вопросы заранее.

— Ну фамилию-то семьи ты знаешь? — женщина оставила чашки в покое. Мужичок рядом не то кашлял, не то хохотал. Тристан смотрел на дно бокала и мечтал утопиться в сидре, чтобы перестать испытывать позор. Он мычал несколько секунд.

— Мадам, они могут не назваться своей фамилией, — он сам не поверил, что нашел оправдание своему невежеству. — Чтобы избежать огласки.

— Аристократы в моей гостинице? Я бы заметила. Скорее всего, они у вас в замке и остановились. Почему сразу там не спросил? — казалось, она даже поверила в байку Тристана.

— Я решил сначала спросить у вас, — ответил он и постарался выпить сидр очень быстро. — А вообще вы ее... их тут не встречали, в деревне?

— С такими длинными волосами? Не думаю.

— Ясно, — Тристан одним глотком допил сидр. — Благодарю! Всего доброго!

— Бывай, школяр, — посмеиваясь, сказала хозяйка.

Уже у выхода Тристан услышал беспардонные насмешки мужичка. Решив позориться до конца, он спросил о девушке у портного и трех продавцов на рынке. Только в эти разы он представлял ее кузиной одноклассника, которого сегодня не отпустили в увольнение. Никто не видел ни одной леди, тем более такой приглядной, какой описывал ее Тристан. У прилавка с выпечкой он встретил того, кого меньше всех хотел видеть.

— Кого принесло в нашу деревню! Сэр Тристан Пять Корешков! — Оркелуз театрально склонился.

— И тебе привет, сэр Оркелуз Зеленая Зависть, — парировал он.

— Отбрехиваешься, как ребенок.

Тристан молча прошел дальше по рядам, но Оркелуз не отставал. Если он его не прогонит, точно не сможет расспросить продавца в ювелирной лавке. Он был последней надеждой. Может, он продал эту заколку с ежевикой.

— Знаешь, в походе я обшарил все те места, о которых ты говорил. Там не было ни пучка струпки, если я пришел раньше тебя. И не было ни одной ямы, если пришел позже.

— Чего ты хочешь, Оркелуз?

— А что будет, если я выскажу свои сомнения учителю?

— Скажу, что будет, — предупреждающе начал Тристан. — Может, учитель пойдет туда и проверит. Может, поверит тебе и накажет меня. Но тебе влетит за стукачество. Давно не стоял на горохе или колени уже зажили? А потом еще мы с Гаро тебе поддадим, чтобы отучился уже язык распускать.

— «Мы с Гаро», — передразнил Оркелуз. — Достал прятаться за него! Возносишь товарищество...

— Потому что Гаро — лучший из друзей, а такого товарища, как ты, я бы не пожелал и врагу! — прервал его Тристан.

— Тебе повезло, что учителя в эти дни заняты приемом, иначе бы тобой занялись! — прошипел Оркелуз.

Тристан вмиг забыл о перепалке.

— Каким приемом?

— Всезнайке не доложили? Ожидаются высокие гости на нашем экзамене. Им предстоит увидеть, как я тебе наваляю...

— Да, наваляешь, — без интереса согласился Тристан. — А кто уже приехал?

— А чего ты так переполошился? Кого может ждать круглый сирота?

— Какой же ты гнилой, — разочарованно сказал Тристан.

— Только не расплачься посреди рынка, — сказал Оркелуз и, довольный тем, что довел соперника, оставил Тристана одного. Из сумки тихо послышалось: «Он напрашивается на дуэль». Но Тристан мотнул головой и прошептал: «Забудь». Высокие гости в Пальер-де-Клев. Тристан задумался, как бы выведать, нет ли среди них дамы. Но от изначального плана не отошел и спросил продавца украшений о странной заколке. Тот подобной никогда не держал. Тристан вздохнул и оглядел прилавок, надеясь найти подсказку. Вместо этого ему на глаза попало жемчужное ожерелье, что странно, по очень низкой цене. Жемчуг был пожелтевшим и неровным, но даже для него это было неприлично дешево.

— Простите, а почему этот жемчуг так мало стоит? — спросил Тристан.

— А! — махнул продавец. — Там застежка сломана и две бусины надколоты. Может, кому пригодится, платье расшить или в браслет переделать.

— Я его возьму! — воскликнул Тристан. Ему в голову пришла отличная идея.

Он опоздал на ужин и дожидался сэра Мерсигера у выхода из трапезной. Из залы вкусно пахло, а Тристан успел перехватить одну сырную лепешку и пару слив. Он старался не думать о еде, а перебирал шарики жемчуга у себя в кармане. Наконец наставник закончил ужинать.

— Сэр Мерсигер, можно вас на пару слов?

— Конечно, Тристан, говори! Как прогулка в деревне? — он был по-прежнему доволен и расположен к Тристану. Это было кстати.

— Что? А, прогулка прошла прекрасно, благодаря вам. Спасибо! Только я хотел спросить, не знаете ли вы, в Пальере на днях останавливалась какая-нибудь леди? — Тристан старался говорить непринужденно. — В пансионате?

— Леди? Да не должна была. А что? — наставник был озадачен. — Ты кого-то ждешь разве?

— Нет, сэр, кого бы я мог ждать, — Тристан полез в карман за ожерельем. — Сегодня у входа в замок я нашел это украшение. Вряд ли его носила одна из селянок, которые приходят с продуктами. Вот я и решил, что какая-то дама его обронила.

Сэр Мерсигер улыбнулся, кивнул и забрал ожерелье.

— Ты очень внимателен, Тристан, ничего не скроется от твоего взора. Это хорошо, — сказал он, разглядывая жемчуг. — Но уже давно в замок не приезжала ни одна леди. Последний визит дамы был больше полугода назад, и это была мать одного из младших школяров. Она и дня здесь не пробыла. Даже не знаю... Но я спрошу, может,

кто-то из послушников или рыцарей обронил. Оно старое, поломанное, возможно, его хранили как память.

Тристан разочарованно кивнул. Хотя ожерелье продавалось уцененным, он отдал за него почти все свои деньги. Но Тристан нисколько о них не жалел. Всего за один день он многое узнал: его дама остановилась не в деревне и не в замке. Но тогда где?

Тристан пробрался в самое пустынное крыло и обратился к Ситцевому рыцарю.

— Сэр, мне вновь нужна ваша помощь, — позвал он куклу, до того неподвижную и словно бы вовсе не живую.

Ситцевый рыцарь театрально вздохнул, раздув складки на груди, и заговорил:

— Рад служить, господин!

— Вы были со мной весь день и знаете, я не нашел того, кого искал, — печально сообщил Тристан. Он ждал, что Ситцевый рыцарь ответит, но тот молчал. Очевидно, ждал конкретного вопроса. — Помогите мне найти ее. Прошу вас. Я не отчаялся, но не понимаю, где можно еще искать молодую девушку. Проездом она там быть не могла, трасса так далеко от леса, а тем более от Ворклого озера. До ближайшего города три дня пути на машине, а верхом — и представить страшно.

— Хм, — протянул Ситцевый рыцарь. — Полагаю, что эта задача логическая: вот ежели она не живет в деревне и не остановилась в замке, может случиться так, что она живет в самом лесу.

Тристан разочарованно покачал головой и потер лоб. Ситцевый рыцарь обыкновенно не выдавал глупых мыслей.

— Исключено, уверен в этом. Она не была похожа на женщину, вынужденную жить в лесу. И платье, и волосы, и кожа были чище, чем у жителей деревни.

— А кто, вы полагаете, может жить в глубокой чаще? — Ситцевый рыцарь говорил туманно, подталкивая Тристана к решению его задачи.

Тристан закатил глаза. Своды алькова не подкидывали ему идей.

— Отшельники обычно одиночки. Не знаю... лесник. Хотя не так глубоко в лесу. Да и не похожа она на дочь лесника.

— Думайте, — настаивал Ситцевый рыцарь.

Тристан улыбнулся.

— Ну... Ха! Феи, — ему было весело от этого предположения.

— Феи, — спокойно повторил Ситцевый рыцарь.

И улыбка замерла на губах Тристана. Он восторженно посмотрел на тряпичную куклу. Неуместный скепсис второй день водил Тристана за нос. Будь он любым другим послушником, он бы отмахнулся от суеверия, но у него на коленях сидела оживленная им игрушка и говорила самые мудрые в мире вещи.

— Она... фея? Она — фея! — воскликнул Тристан так по-мальчишески звонко, что голос его взлетел под своды замка и разлетелся пестрым эхом.

— Прошу вас, господин, говорите тише, — призвал к порядку Ситцевый рыцарь. Хотя Тристан слышал, что и его старик улыбается, что и он рад.

— Да, да, вы правы. Как чудесно, что вы всегда правы! — ликовал Тристан. От избытка чувств он закрыл ла-

донью глаза, а второй рукой аккуратно, но крепко схватился за набитую соломой перчатку Ситцевого рыцаря. Он так ее пожимал. — Вы теперь обязаны рассказать мне, как ее найти. Вы знаете, я не сомневаюсь!

И безудержный восторг Тристана, и смысл его слов тешили самолюбие старой куклы. Ситцевый рыцарь подбоченился и начал рассказ:

— С давних пор известно, феи — что благородные люди, издевавшие магии. Живут под покровом природного наследия и высших сил, скрываясь от простых смертных. Ни дать ни взять элита общества! Оттого очень недоверчивы и пугливы. Сказки придали им облик маленьких демонов, но это ложь, что у фей есть иной, нечеловеческий, облик. Впрочем, легенды родились не на пустом месте. Большинство их слуг вправду выглядят весьма и весьма причудливо. Их лепят из глины, вытесывают из камня, вырезают из дерева, да мало ли способов создать существо по своему подобию? А живут феи общинами. Самое большое и известное из таких поселений — в Гормовых холмах, там, где начинаются болота. Но найти его обычному человеку, которого феи к себе не приглашали, невозможно.

— Как же тогда мне найти мою даму? — спросил Тристан.

— Девы фей все до единой сладкоежки — чуют запах меда и ягод за версту. Им сложно пройти мимо. Однако страх быть пойманными или раскрытыми в них живет веками, потому даже самую лучшую сладость нужно заговаривать, чтобы они осмелились приблизиться, — и тут Ситцевый рыцарь разразился хохотом. — А то велик шанс

просидеть в засаде несколько дней, а она так и будет вокруг ходить, пока вы не уснете так крепко, что и медведь не разбудит!

— Я все сделаю! Только скажите, что нужно! — требовал Тристан.

— Ваша решительность принесла бы вам славу, но грозит принести только выговор или отчисление, чего доброго... — но Ситцевый рыцарь все же сжалился. — Вам потребуется собрать эдакий алтарь с подношением. Камень или пень в лесу нужно пометить знаками, которым я вас обучу. Сверху набросить ткань того цвета, что нравится вашей фее...

— Чернильная! Как ежевика и ее платье, — объяснил Тристан.

— Вот. Такую ткань и возьмите. Сверху же стоит поставить горшочек или котелок с медом или вареньем. Не скупитесь ни на количество, ни на изысканность угощения. И важно: феи как огня боятся всего современного и неизвестных им человеческих изобретений. Не вздумайте наливать сладость в армейский котелок. Чем более естественного происхождения материал или древнее сосуд, тем меньше подозрений она вызовет. И не ставьте угощение холодным. Его нужно разогреть перед подачей, а над огнем нужно прочесть слова. Им я вас тоже обучу.

— Котелок, мед, ткань, — повторил Тристан. — Я все сделаю.

— Большинство фей любят ночь, — продолжал Ситцевый рыцарь. — Но иные, как ваша дама, предпочитают гулять на рассвете.

В голове Тристана носились мысли, прыткие и неукрошенные. Он все пытался их изловить.

— Так мне идти к холмам или к озеру? — спросил он.

— Я бы утверждал, что живет она в холмах. Но как бы с ней еще компания не вышла. Не думаю, что вы хотите знакомиться с ее компаньонкой, — весело предположил Ситцевый рыцарь.

— Феям нужны компаньонки? — удивился Тристан.

— Кто же их знает? Может, и нужны, — серьезно ответил он. — А потому лучше идите к озеру.

Тристан кивнул. Колокол из часовни требовательно звал ко сну. Тристан поторопился в спальни. Быть пойманным после отбоя и потерять расположение наставников он сейчас никак не мог. Он знал, что отпросится у сэра Мерсигера в лес на шесть дней отшельничества. Каждый послушник мог просить о таком уединении, если чувствовал, что оно необходимо для его души. Тристан уже придумывал речь, как якобы его смущает отношение окружающих после похода за струпкой, что он чувствует, будто возгордился и хочет претерпеть аскезу вдали ото всех. Скромность почетна в Ордене, ему не откажут. А до того Тристан успеет подготовиться.

Собрался он через три дня. Выходил на рассвете, чтобы прибыть на место, все подготовить, выспаться и притом не проспять долгожданную встречу. На оставшиеся деньги он купил каштановый мед. За музеем пальеров имелась небольшая комнатуха, скорее каморка, в которой хранились старые вещи, что и выбросить жалко, и выставить стыдно. Там Тристан отыскал посеребрен-

ную чашу и парчовую ткань — бывшую гардину холодного винного цвета с неброским набивным узором. Он аккуратно сложил добычу в вещмешок, парчу замотал внутрь плащ-палатки, а в скрутку положил деревянный меч.

— Ба, господин! Это-то вам зачем в таком деле? — спросил Ситцевый Рыцарь, которого он еще не уложил в планшет.

Тристан смутился и промолчал. У него была одна восторгающая мысль, которую он даже думать боялся, не то чтобы озвучивать. У послушников не было личных мечей. Тренировались они на деревянном оружии. Тристан часто использовал дубовый клевец, и за оружием нужного образца пришлось пробираться в спортивный зал к арсеналу. Были еще турнирные стальные, но не заточенные клинки. Только вот их достать, тем более вынести из Пальеры, было невозможно. Полностью облачившись, Тристан пробежался в душевые к зеркалу. Оно было миниатюрным, со следами окислившейся амальгамы. На какое расстояние ни отойди, а себя разглядеть, да еще в полный рост, было невозможно. Тристан наспех постарался отрепетировать выражение лица, с которым предполагалось предстать перед дамой. А потом втянул ноздрями воздух, и в этот момент сам себе показался взрослым мужчиной. Ему подумалось, впервые за эти дни, что все происходящее с ним действительно странно, слишком сложно, даже неправильно. Но ни одна эта мысль не отвернула его от задуманного плана. Напротив, раззадорила. Тристан впервые находил себя особенным.

Он вышел из Пальер-де-Клев до того, как школяры закончили завтрак и начали разбредаться по аудиториям. До Ворклого озера он шел молча, слушая песни Ситцевого рыцаря, довольного, что в безлюдном лесу ему позволено петь во все горло. И он уж расстарался. Тристан добрался до берега, когда уже стемнело и прохладный вечер превратился в стылую ночь. Он не сделал ни единого привала. Сам не знал, куда торопится. У берега озера он сложил себе небольшое спальное место и костер возле него. Отужинав, принялся сооружать алтарь: подкатил к воде массивный валун, начертил на нем знак по научению Ситцевого рыцаря, постелил скатерть, так же бережно пригладив края, легшие на землю, как каждое утро разравнивал постель. Поверх убранства поставил чашу. В котелке разогрел мед и оставил томиться у огня. Взглянул на небо. Среди ярких звезд сложно было не заметить большой желтый диск луны. Возможно, еще даже не полночь. Тристан прилег, попросив Ситцевого рыцаря разбудить его через три часа.

— Знаете ли, я-то разбужу, — недовольно ворчал он. — Но я, прошу заметить, не будильник. И не часы с кукушкой.

— Я это учитываю, — согласился Тристан. — И потому буду вдвойне благодарен, если вы не забудете меня разбудить до первых жаворонков.

Тристан засыпал с небывалым теплом в груди. В нем росла мечта, какой он ранее никогда не имел. Он был окрылен и счастлив настолько, что не мог решить, хочет он спать или ему не терпится приступить к ритуалу.

Но долгая дорога измотала его, и Тристан уснул быстрее, чем принял решение. Сон опустился на веки мягко, словно перетек из реальности в воображение Тристана. Он все еще брел по лесу, преследовал кого-то, кто оставлял следы от двух пар маленьких копытцев, как у козы. К ним присоединились и другие следы — олени, медвежьи, собачьи, беличьи. Но Тристан искал человеческие следы. Их не было. Тогда он оглянулся назад. Он искал свои следы. Их не было. Или же они были, но, страшно подумать, звериными. Испуганный Тристан побежал. Но ноги увязли в болоте. Ему было страшно, он утопал. «Хватайся!» — позади на берегу стоял Гаро, он протягивал ему ветку. Ухватись за нее Тристан, и друг его вытянет. На помощь подоспели и остальные ребята, с ними пришел наставник. Они участливо звали Тристана, но был зов намного требовательнее. Зов, звучавший с болот. Тристан повернулся, но голос мгновенно ему приказал: «Смотри на свои сапоги». Тристан уже погряз в болоте по грудь, а потому ответил: «Простите, моя леди, я не могу». Тогда он поднял взгляд. Тристан не мог разглядеть девушку перед ним, но знал, что там стоит фея с ежевикой в волосах. Тристан чувствовал, что его плечи погрузились в вязкую топь. Больно было вздохнуть. А девушка, ради которой он пришел сюда утонуть, притянула Тристана за голову и поцеловала. Он задышался, но нисколько не жалел о такой смерти.

Сон оборвался сбивчивым мычанием Тристана и резким рывком, с которым он сел на плащ-палатке. Он проснулся быстро и ощущал себя растерянным. А еще в нем

всколыхнулось неуместное и постыдное чувство. Внезапное замечание Ситцевого рыцаря только прибавило неловкости.

— Рано проснулись, — сообщил он.

— Пожалуйста, дайте мне подумать, — сказал Тристан, вытирая холодный пот со лба и век.

— О чем? Вы вольны думать вслух, если вам это поможет.

Тристан подтянул колени к груди. Так, сидя, молчал какое-то время. Вокруг было тихо по меркам того, кто вырос в Пальер-де-Клев в общих спальнях. И все же легко плескалось озеро, изредка ухали совы, ветер скрипел деревьями.

— Не знаю, — наконец произнес он. — Я думал, что испытываю одно чувство, а оказалось... Оказалось, оно обычное. Наверно.

Речь Тристана сочилась растерянностью, а потому Ситцевый рыцарь не стал над ним подшучивать.

— Обычное — это верно, но что же в нем плохого, в таком чувстве? — спросила кукла. — Пусть фея, пусть и дама, но живая женщина, не статуя ведь. Было бы странно любить ее иначе.

— Странно, — повторил Тристан. — Я и не говорил вам ни разу, что люблю ее.

— А я и не дурак, чтобы мне такое разьяснять, — подытожил он.

Тристан посмотрел на котелок с медом. Угли тлели в кострище. Очевидно, мед был еще теплым. Тристан мотал головой. Он чувствовал влагу на выбритом затылке.

— Стоит ли мне уйти? Это ведь неправильно.

— Уходите, коль жалеть не будете, — Ситцевый рыцарь был недоволен сомнениями.

Не размышляя над ответом, Тристан сказал:

— Буду. Я уже жалею, что даже думаю о бегстве.

И Тристан склонился над котелком, прошептал заученное заклятие и отнес его к алтарю. Он вылил мед в чашу, а потом вернулся на место. Ситцевый рыцарь коротко, но одобряюще кивнул.

— Вся эта кампания принесет нам одни беды, в этом я ни минуты не сомневаюсь. Но клянусь именем вашей матушки, я бы запросто перестал вас уважать, если бы вы сейчас сбежали, — уверенно заявил он.

Мир становился светлее. Дело было не только в определенности, к которой пришел бедный Тристан. Светало. Ситцевый рыцарь облокотился на корень ивы неподалеку от хозяина. Тристан закусил губу. Он то и дело одергивал и отряхивал одежду, приглаживал волосы. Может быть так, что сегодня она не пойдет к озеру? Или придет не одна, напуганная им в прошлый раз? Или вообще придет другая фея? В высоте ив запели жаворонки. Предраcсветное небо осветило берег. Из леса вышла она в сиреневом платье с шелковыми рукавами-фонариками и фетровой шляпе-таблетке, к борту которой была приколата та самая ежевика. Подол заканчивался вышешиколотки, и Тристан увидел коричневые лодочки на миниатюрных ногах. Она, принюхиваясь и опасливо оглядываясь, приближалась к алтарю. Тристан поверить не мог, что у него получилось.

ГЛАВА III. ПРЕКРАСНЫЕ ТРАДИЦИИ ПРОШЛОГО

Было страшно настолько, словно по берегу шла не девушка, которой Тристан грезил последнюю неделю, а сама смерть. Его юношеское сердце так громко стучало, что она могла его слышать. Но фея продолжала подкрадываться к чаше с медом. И вдруг Тристана охватил ужас: он осознал, что блестяще продумал план ровно до этого момента. Еще мгновение, и она окажется у алтаря. А что делать ему, Тристану? Помощь подоспела, как всегда, от верного Ситцевого рыцаря. «Ждите». Он сказал это тихо, чтобы слышал только Тристан. Девушка подошла к алтарю и обошла его. Заглянула в чашу. «Ждите». Тристан сидел совсем недалеко, но она его не замечала. Может, дело было в зеленом кителе и таких же полевых коротких штанах. Но Тристану нравилось находить ее невнимательности мистическое оправдание. «Наверняка действие чар», — думал Тристан. Девушка замерла над алтарем и оглянулась. Каждый жест выражал желание испить мед из чаши, но и страх. Она сминала руками подол платья и нервно озиралась. Тристан гадал, знает ли она о чарах, кото-

рыми он ее приманил, или неестественное чувство пугает ее так же, как чувство естественное мучило самого Тристана. «Ждите». Наконец она протянула руку и коснулась меда. Немного зависнув на подушечке пальца, капля меда все же сорвалась золотой слезой обратно в чашу. Она поднесла ладонь к лицу, вдохнула запах и осторожно слизала остатки меда. «Пора». Тристан набрал воздуха в грудь и поднялся. Она и не заметила. Тристан сделал шаг навстречу.

— Здравствуй... те, — приветствие ему самому показалось нелепым. Но вряд ли здесь был кто-то, способный рекомендовать Тристана незнакомке по всем правилам. Да и потом, Тристан знал этикет только в теории. Практику пришлось познавать таким жестоким образом.

Она взглянула на него. «Наконец-то» и «только не это» — Тристана раздирали противоречия. А она смотрела так, словно взмахом ресниц могла дать ему пощечину.

— Простите, миледи, — Тристан заговорил. Он надеялся, что она точно не убежит, пока они беседуют. — Я не знал, как отыскать вас иначе.

А она смотрела. Вся ее пугливость и кротость улетучились. Тристан наткнулся на ее непоколебимый взгляд и сам был вынужден от него прятаться. «Смотри на сапоги», — повторял он себе с горькой усмешкой.

— Наверно, мне стоит представиться...

— Зачем? — спросила она. Фея все еще держала руку у подбородка. Поза была элегантной, словно для студийной фотографии, а валун с чашей меда заменил ей резную банкетку с цветочной вазой.

Вопрос резонный. Тристан замялся.

— Я надеялся представиться вам и узнать ваше имя, — он со стороны слышал свое сбившееся дыхание.

— То есть это знакомство? — она кокетливо махнула рукой от Тристана к алтарю.

— Выходит, что так, миледи, — он решил, что терять ему нечего. Пусть насмехается, только не уходит прочь. Она здесь, и они разговаривают. Тристан даже не рассчитывал всерьез на такой исход.

— Понятно, — процедила она и медленно пошла вокруг алтаря.

Тристан следил за ней. Она молчала.

— Меня зовут Тристан Трувер. Я послушник Ордена пальеров, — он неглубоко поклонился.

Она, поджав губы, заинтересованно оглядела его.

— А что это? — она легонько пнула камень, покрытый парчой.

— Я полагал, повод для встречи, — ответил он и зачем-то вновь поклонился. — Миледи.

— Ты так и будешь кланяться? — спросила она.

— Вероятно, да. До тех пор, пока вы не скажете, как я могу вас называть.

Тристан был окрылен своей настойчивостью, но фею она нисколько не впечатлила.

— Ты — пальер. И ты — охотник. Верно? — девушка наклонила голову набок.

— Что? Нет, я не охотник! — Тристан не понимал, о каких именно охотниках она говорит: о тех, что промышляют в лесу, или тех, что разыскивают фей. Вероятно, существуют и такие. — Вы можете быть уверены.

— Разве? А кто тебя тогда научил этим фокусам? — она хлопнула ладонью по скатерти. И тут Тристан понял, что девушка все же боится. И что не может уйти. Ему стало стыдно за уловку.

— Простите, — он зажмурился на мгновение. — Если вам это неприятно, я могу его разрушить. Только прошу вас, дайте мне договорить. Не уходите.

— Посмотрим, — сказала она уже спокойнее. — Кто тебя научил?

— Вы мне не поверите, — произнес он и засунул руки в карманы. Глупее ситуации не придумаешь: он с помощью ритуала принудил фею встретиться с ним, а сейчас ему предстоит рассказать ей о своей говорящей кукле. Он ощутил предстоящий разговор, как неминуемую катастрофу и сказал об этом вслух. — Абсурд какой-то.

А она выжидающе смотрела.

— У меня есть слуга, он мне также побратим, в общем, он... ну, кукла. Тряпичная кукла, которую я оживил.

Фея широко распахнула глаза. Она вопросительно смотрела то на Тристана, то на алтарь, прикидывая в уме долю правды в услышанном. И согласилась:

— Хорошо, Тристан Трувер. Я поговорю с тобой по доброй воле. Но сначала ты снимешь чары. А потом ты меня познакомишь со своим слугой.

Пролетели часы, а казалось, что мгновение, с момента как Тристан разрушил алтарь. Он осторожно подал фее чашу меда, стянул ткань и ею же стер знак, начерченный на камне золой из костра. Они уселись на плащ-палатке: фея, грациозно поджав под себя ноги, и послушник паль-

еров, не знавший, куда деть глаза, когда она смотрела ему в лицо. Она изучила тряпичную куклу, отнюдь не согласную с таким беспардонным осмотром и пренебрежением всеми правилами этикета. Сначала она вертела фигурку в руках, морщила лоб так, что меж бровей залегала морщинка. Тристану хотелось разглядить ее большим пальцем, но он, конечно, не посмел и близко поднести руку к ее лицу. Через пару минут ее тщательных изысканий Ситцевый рыцарь воскликнул: «Мадам, осторожно! Нос — мое больное место, я столько раз его ломал!» Надо отдать должное или ее смелости, или ее воспитанию, но она не вскрикнула от неожиданности, не выронила куклу, даже не дернулась. Только вскинула брови, попыталась сдерживать улыбку, а потом звонко расхохоталась. Тристану показалось, что она была чем-то довольна. Фея и Ситцевый рыцарь обменялись любезностями. Тристан отметил, каким галантным вышло знакомство у его болтливового друга, который, надо сказать, встретил второго в его жизни собеседника. Раскланявшись, Ситцевый рыцарь умолк. Но фее было достаточно того, что она слышала. Тристан был рад тому, что теперь свое внимание она отдавала ему. Он даже не мог сказать, о чем они так долго беседовали, — то о школе, то о первой встрече, то о каштановом меде, в который фея обмакивала предложенные Тристаном галеты, а потом медленно жевала. Это была первая девушка, с которой Тристан делил еду. Ему подумалось, что дамы, должно быть, все до одной едят иначе, чем мужчины: более сдержанно и аккуратно. Так, она все могла делать одной рукой. Зажав галету между большим и указательным

пальцами, фея протираала нижнюю губу кончиком безымянного пальца, а тыльной стороной ладони легко смахивала крошки с подола. Второй рукой она сжимала щиколотку там, где начинался ремешок лодочки. Тристан запоминал все детали так усердно, что жалел о невозможности достать блокнот и записать происходящее.

— Почему ежевика? — внезапно для себя спросил он.

Девушка смущенно поправила шляпку и пожала плечами.

— У всех фей есть растение, которое они носят на себе. Образ растения и его цвета. Это как... — она задумалась, — личный герб.

— То есть ты фея? — спросил Тристан прямо. Их светская беседа оборвалась, они впервые заговорили о ее природе. И он незаметно перешел на «ты». Девушка смущилась. Было неясно, нарушение субординации или прямой вопрос выбил ее из колеи.

— А то ты не знал, когда тащил в лес кубок и кусок шторы, — теперь уже она избегала его взгляда.

Тристан, конечно, знал. Но на ее причастности к волшебному роду его осведомленность заканчивалась.

— Прости, — тихо сказал он.

— За что ты просишь прощения?

— За то, что принудил тебя встретиться, — ему действительно было стыдно. Тристан ссутулился, понуро опустил нос и перебирал пальцами пучок сорванной сыти. — Рыцари так не поступают.

— Рыцари поступают иной раз еще хуже, — хмыкнула она. — Но ты ведь и не рыцарь. У тебя даже меч деревянный. Зачем ты его взял?

Фея спросила абсолютно серьезно, он видел, что ей не смешно. Хотя вид у него был, наверно, несуразный с этим почти игрушечным мечом, тряпичной куклой в спутниках да в коротких школярских штанах. Он понял, что не имеет права быть нерешительным, и сказал:

— Я хотел принести тебе клятву верности.

Девушка улыбнулась уголком рта, но не скрыла своего удивления.

— Для этого требуется оружие. Пальеры клянутся на мечах, — пояснил он. А она самодовольно смотрела на его попытки объясниться.

— Я знаю, как приносят клятвы. И что же, ты передумал?

— Нет, не передумал, — ответил Тристан. — Но для присяги нужно знать имя леди, а ты своего еще не назвала.

— И это все, что тебя останавливает?

— Да.

— А разве пальеры верны кому-то, кроме своего Ордена? — спросила она.

— Еще королю. Но это допускается: хранить верность и служить Ордену, сюзерену и даме, если каждый из них будет чтить клятвы рыцаря и не будет заставлять нарушать их.

— А если я потребую то, что будет неудобно королю или другим пальерам? — она кокетливо вздернула подбородок. Тристану казалось, что это какое-то испытание.

— Тогда ты поставишь меня перед тяжелым выбором, — он был тих и серьезен. И он промолчал о том, что

верность пальера имеет нерушимую иерархию: сначала интересы Ордена, потом королевский приказ и только после, если рыцаря угораздило принести клятву даме, сердечные дела. Может, она знала об этой традиции, а может, им в жизни не придется к ней прибегать.

— Что ж, Тристан Трувер, я назову тебе свое имя и приму твою клятву, если ты выполнишь мое задание, — она доела галету и отряхнула руки. — Мне вовсе не нужен бесполезный рыцарь в услужении. И тебе придется доказать, что ты не такой.

Она встала и с удовольствием потянулась. Они засиделись так долго, что солнце успело пройти зенит и теперь неспешно клонилось к верхушкам деревьев.

— Я готов, — Тристан встал следом. Условие вовсе его не напугало. Напротив, добавило ей и их встрече очарования. Он представил себя в действительности одним из рыцарей минувшего, которым предстояло преодолевать препятствия ради своих дам. В подтверждение своих слов Тристан одернул португеею и встал по стойке «вольно», сцепив руки за спиной. Он ждал ее слов с таким хмурым и решительным видом, что она не выдержала и засмеялась.

— Ты такой солдафон! — воскликнула она, весело хлопнув в ладоши. — Это даже забавно. Ладно. Задание.

Она повторила его позу — так же завела руки за спину — и стала обходить неподвижного Тристана по кругу. А он ждал.

— Я придумала, — задумчиво проговорила она. — Иди-ка ты до развилки на Гормовы холмы и дальше вглубь леса.